

И.А. Беляева

Тургенев и Карамзин

Аннотация: В статье очерчены основные вехи в восприятии Тургеневым, как читателем и критиком, творчества Карамзина. Систематизированы сложившиеся в современной науке представления о характере влияния Карамзина на Тургенева и намечены перспективы изучения проблемы «Тургенев и Карамзин». Особое внимание уделено «Лизиному тексту», судьбе «русского европейца» и связанной с этим типом героя сюжетике, а также элегической модальности в творчестве Тургенева.

Ключевые слова: Карамзин, И. Тургенев, восприятие, традиция, «Лизин текст», «русский европеец», элегическое

Abstract: The article deals with the key landmarks in Turgenev's perception, as a reader and critic, of Karamzin's creation. The notion of the nature of Karamzin's influence on Turgenev in modern literary studies is systematised and the perspectives of studying the problem of "Turgenev and Karamzin" are identified. The particular attention is given to "Liza's text", the fate of "Russian European" and the plot associated with this to the type of the hero, as well as to the elegiac modality in Turgenev's works.

Key words: Karamzin, I. Turgenev, reception, tradition, "Liza's text", "Russian European", elegiac

Тема «Тургенев и Карамзин» представляет собой, по-видимому, одну из наименее изученных областей современного тургеневедения, хотя она и не была полностью обойдена вниманием исследователей. Имя Карамзина неизбежно возникало в ходе обсуждения вопросов, связанных с творческой биографией Тургенева, с его кругом чтения (в том числе детским), а также в связи с его ранними литературными интересами¹. Изучались и так называемые традиции сентиментализма в творчестве Тургенева, в том числе влияние Карамзина². В той или иной степени рассматривались аспекты, связанные с генетико-типологической преемственностью тургеновских персонажей, как женских, так и мужских, по отношению к типам, которые

¹ См.: Балькова Л.А. Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик, 2005.

² См.: Жиликова Э.М. Проблема сентиментальных традиций в эстетике И.С. Тургенева 1850-х годов // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1994. С. 152–170; Жиликова Э.М. Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 132–149; Жиликова Э.М. Традиции сентиментализма в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1991. С. 98–114.

были открыты Карамзиным («русский европеец», «бедная Лиза»); лирическая природа творчества Тургенева и элегическое начало его прозы также неизменно соотносились с карамзинским наследием. Одним из самых очевидных и основательных поводов для сближений двух писателей оказывалась столь актуальная для русской культуры XIX в. проблема «Россия и Европа». В этом же ключе стоит рассматривать и отмеченную еще Л.В. Пумпянским пушкинскую линию в отечественной словесности, ориентированную, по мнению ученого, в отличие от гоголевского направления, на Запад¹. Но у ее истоков стоял, скорее, Карамзин, как справедливо полагают современные исследователи творчества писателя, нежели Пушкин.

В целом история вопроса свидетельствует о возможности разноплановых сближений текстов Тургенева и Карамзина, однако специальной работы, им посвященной, до сих пор не существует. Эту лакуну в определенной мере компенсирует книга Л.А. Сапченко², в которой вопросу о творческих переключках между Тургеневым и Карамзиным уделяется значительное место; между тем задачи этого труда шире, он вмещает в себя весь XIX в., что делает карамзинскую линию у Тургенева, рассматриваемую исследовательницей, одной из частных, хотя и весьма значимых в русской культуре в целом.

Попробуем обозначить основные вехи в тургеневской рецепции литературного наследия Карамзина и наметить возможные перспективы изучения темы.

Карамзин, без сомнения, входил в ближайший круг ученического чтения Тургенева. Специалисты, работавшие с библиотекой в Спасском-Лутовинове, которая была в распоряжении Тургенева, описали сохранившуюся карамзинскую часть фондов. Туда вошли «Мои безделки» (ч. 1–2) 1797 г., сочинения в восьми томах (1803 г.), где «Письма русского путешественника» занимают со второго по пятый том, затем тома II–IV, IX, XI–XII «Истории Государства Российского» (издание 1830–1831 гг.) и др.³ Даже если учесть тот факт, что библиотека в Спасском в немалой степени была утеряна, собрание достаточно представительное.

Известно, что Тургенев и в ранние годы, и много позже читал и ценил Карамзина, в том числе его историографические труды, прежде всего с точки зрения их роли в деле просвещения соотечественников. В одном из своих писем, относящихся к октябрю 1868 г., Тургенев отвечал на просьбу торговца из Вятской губернии А.Д. Вшицова помочь ему в самообразовании так: «Что касается до чтения, то я не советую Вам предаваться одной беллетристике: исторические книги – Карамзин, например, – были бы Вам полезнее»⁴.

Однако художественную антропологию Карамзина-историографа Тургенев не считал убедительной. Еще в 1846 г. в рецензии на драму С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» Тургенев, сам в те годы немало интересующийся созданием подлинно драматургического характера, заявляет: «В изображении его (Ляпунова. – И.Б.) характера до сих пор следовали Карамзину. Со всем уважением к знаменитому историографу мы осмеливаемся думать, что он, – так же, как из лица Грозного, – сделал из Ляпунова лицо фантастическое». И далее как критик Тургенев формулирует свое видение этого характера, которое далеко от однобокой, по его мнению, «фантастичности» – читай: неправдоподобия, – и подчеркивает, что в драма-

¹ Пумпянский Л.В. Тургенев и Запад // И.С. Тургенев: Материалы и исследования. Орел: Изд-во Орлов. обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. С. 90–108.

² Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. 379 с.

³ Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Книги на рус.яз. Ч. 1 / Сост. и автор вступ. статьи Л.А. Балыкова. Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиокомпании. 1994. С. 104–107.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 9. М.: Наука, 1995. С. 66.

тургическом характере он ценит шекспировскую многогранность и человеческую сложность¹. Гедеонов с Карамзиным, по мысли Тургенева, упростили Ляпунова именно в человеческом плане. Словом, как «сердцевед» (так называл Тургенев Шекспира) Карамзин ему не близок. Когда появилась пьеса А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», Тургенев ее не принял потому, что «характеры ее не живые», а от нее самой «веет чем-то Карамзинисто-Загоскиноватым»².

Тем не менее в семье Тургеневых Карамзин входил в круг писателей почитаемых. Варвара Петровна Тургенева, – возможно и не без основания, как полагают специалисты, – признавалась в своем личном знакомстве с ним: «Карамзин, Дмитриев, Мерзляков, Жуковский, Пушкин, – писала она своей доверительной корреспондентке Марии Карповой, – все мне знакомы и даже приятели»³. В 1840 г. в одном из писем к сыну, когда тот находился на учении в Германии, Варвара Петровна обращалась к нему «мой Карамзин, русский путешественник» и сетовала на то, что он изменил тон и стиль своих писем: «Было время, что ты писал ко мне, или описывал... О!.. Нет! Это еще хуже, чем ничего. Письмо твое, а тебя тут не видно»⁴. Надо полагать, что она получала от сына письма в стиле «Писем русского путешественника», однако этот пласт тургеньевского эпистолярия не сохранился. Тем не менее, будучи подростком, Тургенев и к своему любимому на тот момент дядюшке Н.Н. Тургеневу направлял письма в форме дневника, или «журнала», которые были написаны не без влияния известного сочинения Карамзина.

Карамзинский стиль Тургеньевым был освоен уже к 1840-м гг., но, думается, очень быстро и исчерпан. Во всяком случае «стилевые формулы Карамзина», которые встречаются у зрелого Тургенева, едва ли стоит рассматривать в плане прямого усвоения и следования им предшествующей традиции, без учета сложной идейно-эстетической трансформации, как, например, это предложено в работе С.М. Аюпова⁵. Стилевые переключки, безусловно, существуют, но их функциональность требует отдельного изучения.

Интересным примером опыта молодого Тургенева в духе Карамзина («à la Karamsin») является его дружеское письмо к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову из Мариенбада, написанное будущим писателем в сентябре 1840 г., т. е. практически в то время, когда он, по словам его матушки, уже не пишет ей отчетов о своих путеше-

¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 239. Таков, по мнению Тургенева, должен быть и Ляпунов: «Ляпунов был человек замечательный, честолюбивый и страстный, буйный и непокорный; злые и добрые порывы с одинаковой силой потрясали его душу; он znalся с разбойниками, убивал и грабил – и шел на спасение Москвы, сам погиб за нее. Такие люди появляются в смутные, тяжелые времена народных бедствий как бы на вторых планах картины; как люди второстепенные, они исчезают перед честной доблестью, ясным и светлым разумом истинных вождей; но их двойственная, страстная природа привлекает драматических писателей... Шекспир любил изображать такие лица. Оттого выбор Ляпунова, как главного действующего лица драмы, нам всегда казался удачным; мы не раз мечтали о той яркой, подвижной картине, которую писатель с дарованьем сумел бы провести перед нашими глазами... Вместо мучительной однообразности или натянутой, еще более мучительной пестроты условных фраз, условных возгласов, условных эффектов он бы дал нам, наконец, услышать голос истины, еще более трогательной и потрясающей в прошедшем, чем в настоящем...» (там же).

² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 25.

³ Цит. по: *Балыкова Л.А.* Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик. 2005. С. 37.

⁴ Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. С. 233.

⁵ *Аюпов С.М.* Стилевые формулы Карамзина в романах Тургенева // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 41–49.

ствиях по образцу Карамзина. «Игровое пространство» письма основательно проанализировано Е.В. Зуевой¹. Оно включает в себя импульсы «арзамасской самоиронии», «сентиментальные реминисценции» и аллюзии, уводящие пишущего в мир «идиллического» детства, а также почти прямые цитации из Карамзина, которые, как установила исследовательница, скорее всего, воспроизводились Тургеневым по памяти. Одно из самых ярких «карамзинских» мест письма – концентрированно «слезное» признание в дружеских чувствах: «“Чувствительные души! примите меня в ваш священный круг! я нашел друга – и проливаю радостные слезы; я нашел друга – и благодарю премудрое провидение...” и т. д. “О друг мой, – сказал я, обливаясь горячими слезами”, и т. д. “Мы обнялись и смешали наши слезы” и т. д. – Странная участь слез, подумаешь! Их глотают, как вино, мешают, как лекарство, проливают, как воду, удерживают, как лошадей; поливают, обливают, заливаются, истекают слезами; они катятся градом, потоками, даже реками; слезы радостные – слезы горестные, слезы горькие – слезы сладкие, слезы раскаяния – слезы умиления, слезы утешительные – слезы восхитительные, слезы – жемчуги, слезы – алмазы, слезы кровавые – слезы обильные, о слезы, слезы, сле-е-езы, молитте бога за нас!»². Трудно, однако, согласиться с выводом Е.В. Зуевой, полагающей, что это письмо Тургенева «становится прелюдией к его “большой литературе”»³ и демонстрирует процесс освоения начинающим писателем карамзинской художественной манеры. Скорее, здесь мы имеем дело с моментом, когда Тургенев ее перерос, что и нашло свое выражение в хорошо сделанной шуточной стилизации. «Игра» в Карамзина была одновременно и прощанием с ним. При этом Карамзин хорошо усвоен и освоен, так что сочинения Карамзина нередко будут выступать в качестве значимых претекстов у Тургенева.

Известно, что Тургенев перечитывал Карамзина, прежде всего «Письма русского путешественника» и «Историю государства российского». Например, этим чтением он серьезно был увлечен в 1874 г. В это время он сам много размышляет о русском человеке, о его своеобразной природе, работает над романом о народниках – пишет об этом, в сущности, сугубо русском явлении. И Карамзин оказывается ему нужен. Тургенев, как он сам признается, читает иногда «с большим трудом и множеством перерывов историю Ивана Грозного», историю о царе, который подан лишь как человек, «изобретательно истязавший своих подданных»⁴. Очевидно, что этой одной краски в обрисовке Ивана Грозного Тургеневу недостаточно, но Карамзин вызывает у него реакцию подчас вдохновенную. «Я жадно читаю», – признается он Полине Виардо летом 1874 г.⁵ И хотя тургеневские оценки «Писем русского путешественника», которые наряду с «Историей...» штудируются им в те годы, не лишены иронии, – в основном, по причине их сентиментальной стилистики («А ведь Карамзин был замечательным человеком, – сообщает он. – Правда, ему было лишь 24 года»⁶), – Тургенев разделяет эстетические вкусы Ка-

¹ Зуева Е.В. Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. статей. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 35–47.

² Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 169.

³ Зуева Е.В. Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. статей. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 43.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 2002. С. 313.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Там же. С. 302.

рамзина. Ему любопытно читать о парижской опере, о карамзинских сравнениях певца Руссо, исполняющего партию Орфея, с Цицероном, об игре французских актеров и проч. С любопытством для себя отмечает Тургенев и политическую мятежность Карамзина, когда тот был почитателем Робеспьера. Он подробно пересказывает свои впечатления Полине Виардо. В целом, чтение Тургеневым сочинений Карамзина в 1870-е гг. является значимым контекстом для понимания его творческих интенций, связанных с осмыслением русской сути и качественных сближений, но и отличий русского и европейца.

И все же быть «карамзинистом», с точки зрения Тургенева, это прежде всего находиться в определенной стилистически-языковой системе координат, которая мало имеет общего с искренностью. Когда в феврале 1876 г. умерла Великая княгиня Мария Николаевна и на ее кончину отозвалась пресса, Тургенев писал: «В “Голосе” какой-то карамзинист – вроде Валуева – состряпал ей тяжелый панегирик не без ошибок в языке и слоге»¹. Сатирически маркирована у Тургенева и склонность того или иного персонажа говорить или писать в карамзинском духе. Так, в романе «Новь», работа над которым проходила в период «перепрочтения» Карамзина, г-н Калломийцев, чиновник в сердце и своего рода мещанин во дворянстве, произносит: «Что касается до меня, то я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует? Ну, например, как бы вы перевели мое восклицание *detout à l'heure*: “C’est un mot?!” – Это слово?! Помилуйте!»².

Карамзина сложно назвать писателем, который коренным образом повлиял на Тургенева. При всей колоссальной начитанности последнего автор этих строк осмелился бы из русских художников слова только Пушкина поставить в первый ряд в этой связи, прежде всего по причине его живой органичности для Тургенева. И если понимать под «традицией», вслед за В.Д. Сквозниковым, продолжение «индивидуальной характеристики» писателя в творчестве его продолжателя, то мы должны присоединиться к известному исследователю: Тургенев, через раннее «преодоление» Пушкина, искренне и полно к нему вернулся в своих зрелых сочинениях³. Но подобного не произошло с Карамзиным. Вначале было естественное освоение Тургеневым карамзинской эстетики, затем последовало ее «преодоление» (в том числе «игровое»). Далее очевидна опора на культурные топосы, открытые для русского читателя Карамзиным, но с выходом уже на иной идейно-художественный уровень. Типы, сюжеты, модели карамзинской прозы были вполне востребованы Тургеневым, нюансы смыслов в его текстах подчас возникают как раз в тесной соотнесенности с карамзинскими образцами, но происходит это не в русле прямого развития сентименталистских художественных идей и решений, а через серьезную их творческую переработку⁴.

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 15. Кн. 1. М.: Наука, 2012. С. 42.

² Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. С. 164.

³ «Тургенев, повторяем, последний пушкинского достоинства представитель “изящной словесности”» (Сквозников В.Д. Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 132–133).

⁴ Как справедливо отмечает М.В. Иванов, полемизируя с Э.М. Жилияковой, развивающей идею «традиций сентиментализма» у Тургенева в ряде своих работ, есть опасность чрезмерно расширять «“семантическое облако” сентиментализма», при этом «допустить самообман в накоплении “сентиментальных корней” в произведении автора, обратившегося к “чувствительной” традиции» (Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1996. С. 23). Близкие акценты расставлены и в упомянутой выше монографии Л.А. Сапченко, когда речь идет о многообразии модификаций той или иной коллизии, например, истории о «бедной Лизе» в творчестве Тургенева, Гончарова, Достоевского или Островского.

Нельзя не сказать и еще об одной любопытной «рифме», которая существует между Тургеневым и Карамзиным: Тургенев как первый русский писатель, которого открыла для себя западная культура, в определенной мере оказался в роли Карамзина, которого когда-то Европа принимала как первого русского путешественника (хотя и до него было немало путешествующих), или *русского европейца*. Определенные аналогии навеивает и вектор «от западного – к русскому», который определяется в творчестве Карамзина такими вехами, как «Письма русского путешественника» – в начале творческого пути и «История государства Российского» – в конце¹, а у Тургенева – как минимум – двумя этапами работы над «Записками охотника» (в 1840-е и в 1870-е гг.), которые подчинены той же логике (она дает о себе знать, например, в плане типизации)². Отсюда дискурс, связанный с аспектами «европеизма» и проблемами национальной идентичности, закономерно и неизменно возникает, когда заходит речь об этих двух писателях. Магистральными в истории сопоставления Карамзина и Тургенева являются «сюжеты» о «русском европейце», «бедной Лизе» и аспекты авторской эмоциональности³.

К типологической модели «русского европейца» или «русского путешественника» Тургенев обращается в ряде своих романов и повестей 1850–1970-х гг.: «Ася», «Фауст», «Дворянское гнездо», «Дым», «Вешние воды». Писатель разрабатывает особый *тип героя*, который порождает соответствующую сюжетику и событийность, связанную с путешествием по Европе. Странствия никак не сводились к внешнему «туризму жизни» (Ю. Айхенвальд), но были для героя равнодушным «поиском своего места в мире»⁴.

Представленный у Тургенева тип путешествия реализовывался, по верному замечанию В.М. Марковича, как бы «на грани двух культур» и восходил к карамзинскому. При этом величайшие достижения искусства и культуры оказывались не просто фоном, но неизменной частью душевной жизни путешественника. Это обуславливало особый *эстетизм*, в основе которого «единство простоты и литературности» – как у Тургенева, так и у Карамзина. В творчестве последнего «непосредственные переживания героя впервые в русской прозе оказались неотделимыми от художественных ассоциаций, всплывающих в его памяти»⁵. Подобная установка была для Тургенева внутренне близка, хотя, возможно, не осознавалась им как восходящая исключительно к Карамзину. То же можно сказать и о знаменитом тургеневском *элегизме*, который отзывался на эпоху элегического стиля в целом, вне определенной персонификации. Однако согласимся с известными исследователями Карамзина в том, что его герой ис-

¹ «Карамзин начал как писатель, показывающий читателям в зеркале своего творчества Европу и прогресс культуры, и завершил свой путь тем, что открыл перед ними Россию и ее историю» (*Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 533. (Серия «Литературные памятники»)

² См.: *Беляева И.А.* Тургенев о русском человеке, Пушкине, языке и свободе // *Kalbai ir kontekstai. Language in different contexts. V. VII(I). Part. 2.* Vilnius: LEUleidykla. 2016. P. 18–29.

³ Общее поле сопоставлений текстов Карамзина и Тургенева обозначено, хотя и слишком большими мазками, в монографии Л.А. Сапченко: «Общность двух писателей обнаруживается в сфере нравственно-эстетического идеала, в тематике и проблематике произведений. Связаны с карамзинской традицией актуальность проблемы “Россия и Европа” в творчестве Тургенева, жанровые и образно-стилевые особенности его повестей, формы выражения авторской позиции, лиризм повествования, типология характеров (“бедная Лиза”, “русский европеец”, “чувствительный и холодный” и др.)» (*Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 53–54).

⁴ *Маркович В.М.* Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 265.

⁵ Там же. С. 264.

пытывает потребность «вспоминать», «глядя на мир, прочитанные строки»¹. Именно такая установка принципиальна и для многих тургеневских текстов.

Элегическая интонация столь важна для всего творчества Тургенева, что ее ни в коем случае нельзя умалять или подчинять трагической модальности, поскольку это серьезно деформирует смысловую ткань текстов. «Онтологический трагизм» или «космический пессимизм», которые привыкли находить у Тургенева, возводя подобные интонации едва не к Шопенгауэру, не всегда объясняют, например, сложные, в плане эмоциональности, аккорды тургеневских эпилогов. А ведь именно в эпилогах, и особенно это значимо для романов писателя, обнаруживает себя то элегическое «уединение», которое свидетельствует не о разладе человека с миром, а о его «индивидуальной вписанности в объективную картину всеобщего жизнесложения»². И если признать, что элегическую меланхолию ввел в русскую литературу Карамзин, сделавший ее, по справедливому утверждению В.М. Марковича, «не только предметом поэтического изображения, но и средством, помогающим придать тексту дополнительный, как правило, высший смысл»³, то заслуга Тургенева в том, что он увидел в этой «сложной эмоции» серьезные альтернативы трагическому взгляду на мир.

Сюжет о «бедной Лизе», родоначальником которого в русской литературе считается Карамзин, был вполне востребован Тургеневым в ряде его сочинений. Это рассказ «Свидание» (1850), повести «Андрей Колосов» (1844), «Дневник лишнего человека» (1850), «Ася» (1858), «Вешние воды» (1871), «Пунин и Бабурин» (1874), роман «Дворянское гнездо» (1859). Последний наиболее ярко реализует линию так называемого «Лизиного текста», который формируется на основе имени Лиза (Елизавета) как важнейшего в русской культуре поэтонима⁴. Тургенев не часто дает своим героиням имя Лиза. В сущности, за исключением нескольких Елизавет, таких, например, как Елизавета Богдановна («Месяц в деревне»), у него две собственно Лизы (не Елизаветы) – Лиза Ожогова («Дневник лишнего человека») и Лиза Калитина («Дворянское гнездо»). Однако обращение писателя к ситуации обманутой девической любви, в том числе обнаруживающей социальное неравенство между влюбленными, давно и справедливо отмечено исследователями, хотя и связывается обычно исключительно с «традициями сентиментализма».

В переходную эпоху 1840-х гг. в русской литературе происходят сложные процессы: скрещиваются разные литературные тенденции, вырабатываются новые формы и обретаются новые художественные возможности. Топика «Бедной Лизы» Карамзина оказывается чрезвычайно востребованной и образует, по мысли Н.Л. Вершининой, своего рода «идиллико-анекдотический контрапункт» в беллетристике того времени⁵.

¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 528. (Серия «Литературные памятники»)

² Тюпа В.И. Модусы художественности // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2006. С. 64.

³ Маркович В.М. Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 273.

⁴ См.: Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4(54). С. 259–267; Полтавец Е.Ю. Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения. Вып. V. М.: Русский путь, 2011. С. 350–368.

⁵ Вершинина Н.Л. Особенности беллетристической рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в эпоху 1830–1840-х годов (идиллико-анекдотический контрапункт) // Карамзинский сборник. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 29–50.

Возможно, тургеневский опыт, который представлен в повести «Андрей Колосов», как раз находится в русле подобных тенденций. «Механизм» соединения двух «сюжетов»: пушкинского, который восходит к строчке из поэмы «Цыганы» («что было, то не будет вновь...»), и карамзинского, напоминающего историю его «бедной Лизы», – Тургеневым был уже нащупан в известном письме к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову, о чем справедливо писала Э.М. Жилиякова¹. И из этого союза двух «сюжетов», отчасти конфликтного, отчасти дружного, рождается иная, вовсе не сентименталистская поэтика молодого Тургенева, несмотря на его обращение к стилистическим формулам сентиментализма.

События, которые происходят с героиней тургеневской повести, напоминают историю «бедной Лизы» в квадрате. Варя оказывается обманута сразу двумя возлюбленными. Одного из них можно условно назвать «холодным», другого – «чувствительным», но предадут девушку оба, причем один руководствуется пушкинской «формулой», другой – карамзинской. Последняя обнаруживает себя в подтексте, о чем свидетельствует круг чтения Вари. Она читает Карамзина: что именно, не вполне понятно, но можно предположить, судя по ситуации (она тщетно ждет оставившего ее Андрея Колосова), что «Бедную Лизу». Соединение двух вариантов бегства от возлюбленной, пушкинского и карамзинского, создает сложный психологический элемент в повести и заявляет о новой событийности, превосходящей любые литературные стереотипы.

Функция карамзинских элементов в поэтике Тургенева в дальнейшем будет расширяться. В этой связи интереснейший материал, с нашей точки зрения, представляет собой повесть «Пунин и Бабурин», героиню которой «мучают» чтением Карамзина. К тому же она грозит утопиться в пруду, если ее чувства будут преданы огласке. Не менее интересно здесь представлена и тема «бедных людей». Удивительно, что идиллическое начало у Тургенева и в ранние годы (правда, за редким исключением), и в поздние не подвергалось резкому травестированию (например, идиллия старичков Субочевых, и подобных примеров очень много). Нельзя утверждать также, что идиллическая модальность всегда ассоциировалась у Тургенева с архаикой – писатель вполне признавал многогранность человеческого мироустройства и мироотношения, что отчасти примиряет в его творчестве разные «традиции», модусы и разные культуры. Иначе обстоит дело с чрезмерной сентиментальностью некоторых его героинь: это всегда знак человеческой пустоты и неискренности.

Роман «Дворянское гнездо» объединяет в себе истории, восходящие к разным повестям Карамзина, среди которых «Юлия», «Сиерра-Морена». Многие у Тургенева навеяно карамзинской эпохой, многое напоминает о поэтике самого Карамзина. Это пейзаж, несущий философскую и психологическую нагрузку, противопоставление суетного города сельской жизни (дом Калитиных находится в черте города, отчасти напоминая ситуацию, представленную «московским текстом» Карамзина²), элегическая эмоциональность. Но главный карамзинский претекст «Дворянского гнезда», конечно, повесть «Бедная Лиза» и ее «опорные точки».

Отличительные «знаки» «Лизиного текста» мотивированы основным событием в жизни героини с именем Лиза. Только если у Карамзина она оказывается

¹ Жилиякова Э.М. Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 143.

² См. о «московском тексте» у Карамзина: Алтатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. С. 467–483.

наивной *жертвой* искреннего чувства, то у Тургенева личная драма Лизы Калиотиной не может быть описана в подобной системе координат. Ею Лиза вовсе не является жертвой чувства, она более обретает, чем теряет. Та «новая жизнь», что открывается карамзинской Лизе в ее любви, завершается гибелью, пусть и освященной поздним раскаянием Эраста. В жизни тургеневской Лизы также был пруд, ее «Лизин пруд» – как своего рода искушение и возможное разрешение личной драмы, как катастрофический исход. Но «уход» героини из мирской жизни связан с другой дорогой – новым домом, монастырем¹ (рифма к знаменитому Симонову монастырю, у стен которого и находился Лизин пруд). История тургеневской Лизы имеет дело со смертью, но это смерть в художественном и в человеческом плане метафорическая и спасительная, чреватая новой жизнью. Были у обеих Лиз и цветы – у каждой свои: ландыши и желтофиоли, значения которых описаны специалистами по флоросемантике.

Такие компоненты «Лизиного текста», как чувство, жертва, монастырь, пруд, цветы, смерть, или «новая жизнь», скорее, контрастируют у Тургенева с тем, что читатель встречает у Карамзина. Но очевидно, что он, как писатель, рассчитывает на подобные читательские ассоциации. Между тем тургеневский вариант прочтения сюжета о «бедной Лизе» многие интерпретаторы зачастую склонны рассматривать как раз в карамзинском смысле и приравнивать уход героини в монастырь к смерти при жизни. Хотя тургеневская Лиза не исчезла, тем более не умерла, и всегда присутствует «тихим ангелом» в жизни тех, кого оставила в миру. Тем, думается, важнее понимать существо различия между текстами Карамзина и Тургенева, чтобы понять новизну художественных и идейных решений автора «Дворянского гнезда».

Поле сближений между Тургеневым и Карамзиным, если говорить о «Дворянском гнезде», продуктивно, с нашей точки зрения, искать в области решения обоими писателями проблемы эвдемонического. В романе есть важный аллюзивный пласт, связанный с пониманием счастья как добра, который имеет, вероятно, и карамзинский источник.

В целом судьба карамзинской традиции в творчестве Тургенева складывается большей частью через ее «преодоление», которое, однако, предполагает постоянный художественный диалог с эпохой Карамзина.

---

¹ Ценным эпистолярным фоном к роману «Дворянское гнездо» является письмо Тургенева к Е.Е. Ламберт (от 8 (20) января 1861 г.), в котором он откликается на посещение ею Тихвинского монастыря. В этом письме коррелируют концепты «смерть», «новая жизнь»: «Какой тишиной, холодной, печальной и в то же время приятной, повеяло на меня от Вашего письма, начатого в Тихвинском монастыре! Как отрадна мне показалась эта жизнь, занесенная снегом, вся проникнутая заране неподвижностью смерти! Под влиянием этого целебного холода и отчуждения от житейской тревоги – всё, даже самые мелочи, принимает особенное значение, как-то особенно действует на душу. Я уверен, что самый стук башмаков монахини, когда она идет по каменному полу коридора в церковь молиться – ей говорит что-то... И это что-то, если не убивает, не душит человеческое, нетерпеливое сердце – должно дать ему невыразимое спокойствие и даже живучесть». Следом Тургенев описывает свое новое состояние: «Возможность пережить в самом себе смерть самого себя – есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот – я умер – и все-таки жив – и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?» (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 282).

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
- Аюпов С.М.* Стилиевые формулы Карамзина в романах Тургенева // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 41–49.
- Балыкова Л.А.* Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик. 2005. 208 с.
- Бельская А.А.* «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4(54). С. 259–267.
- Беляева И.А.* Тургенев о русском человеке, Пушкине, языке и свободе // Kalba Ir Kontekstai. Language In Different Contexts. Vilnius: LEU, 2016. Vol. VII(I). Part 2. P. 18–29.
- Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Книги на рус.яз. Ч. 1 / Сост. и автор вступ. статьи Л.А. Балыкова. Орел: изд-во Орловской государственной телерадиокомпании, 1994. 208 с.
- Вершинина Н.Л.* Особенности беллетристической рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в эпоху 1830–1840-х годов (идиллическо-анекдотический контрапункт) // Карамзинский сборник. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 29–50.
- Жилякова Э.М.* Проблема сентиментальных традиций в эстетике И.С. Тургенева 1850-х годов // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. С. 152–170.
- Жилякова Э.М.* Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 132–149.
- Жилякова Э.М.* Традиции сентиментализма в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1991. С. 98–114.
- Зуева Е.В.* Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 35–47.
- Иванов М.В.* Судьба русского сентиментализма. СПб.: Эйдос, 1996. 336 с.
- Ковалева Ю.Н.* Карамзин и Тургенев: к проблеме преемственности в выражении авторской позиции // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 127–131.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 525–606. (Серия «Литературные памятники»)
- Маркович В.М.* «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Маркович В.М. Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 261–276.
- Полтавец Е.Ю.* Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения. Вып. V. М.: Русский путь, 2011. С. 350–368.
- Пумпянский Л.В.* Тургенев и Запад // И.С. Тургенев: Материалы и исследования. Орел: Изд-во Орлов. обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. С. 90–108.
- Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ, Ульяновск: УлГУ, 2003. 379 с.
- Сквозников В.Д.* Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 214 с.
- Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. 584 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–.

Тюна В.И. Модусы художественности // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2006. С. 52–68.

REFERENCES

- Alpatova T.A. (2012) Karamzin's Prose: Poetics of Narrative. Moscow. 560 p.
- Ayupov S.M. Karamzin's Style Formulas in the Novels of Turgenev. In: Karamzin Collection. National Traditions and Europeanism in Russian Culture. Ulyanovsk. 1999, pp. 41–49.
- Balykova L.A. (2005) Turgenev – the Reader. Through the Pages of the Memorial Library. Orel. Orlik Publ. 208 p.
- Belskaya A.A. (2013) Turgenev's and Pushkin's "Lysa's text". *Scientific Notes of Orel State University*. 2013. Vol. 4 (54), pp. 259–267.
- Belyaeva I.A. Turgenev about the Russian Man, Pushkin, Language and Freedom. *Language in Different Contexts*. Vilnius, 2016. Vol. VII(I). Part. 2, pp. 18–29.
- Ivan Turgenev's Library. Catalog. Books in Russian. Part 1 (1994) / Ed. and author of introd. article L. Balykova. Orel. 208 p.
- Vershinina N.L. The Peculiarities of Fictional Reception of Karamzin's "Bednaya Liza" ["Poor Liza"] in the 1830–1840-ies (Idilliko-comical Counterpoint). In: Karamzin Collection. Karamzin's "Bednaya Liza" ["Poor Liza"]: Problems of Studying and Teaching. Ulyanovsk. 1999, pp. 29–50.
- Zhilyakova E.M. Problem of Sentimental Traditions in Turgenev's Aesthetics of the 1850-ies. In: Problems of Method and Genre. Vol. 18. Tomsk. Tomsk State University Press. 1994, pp. 152–170.
- Zhilyakova E.M. Prosaic Debut of Turgenev, and the Young Dostoevsky (On the Problem of Sentimental Tradition in Russian Literature of the 1840-ies). In: Problems of Method and Genre. Vol. 16. Tomsk. Tomsk State University Press. 1990, pp. 132–149.
- Zhilyakova E.M. Traditions of Sentimentalism in Turgenev's Novel "Dvoryanskoe Gnezdo" ["Noble Nest"]. In: Problems of Method and Genre. Vol. 17. Tomsk. Tomsk State University Press. University Press. 1991, pp. 98–114.
- Zueva E.V. Turgenev and Karamzin (On Turgenev's Letter to M. Bakunin and A. Efremov). In: Karamzin collection. Creativity of Karamzin and Historical and Literary Process. Ulyanovsk. 1996, pp. 35–47.
- Ivanov M.V. (1996) Fate of Russian Sentimentalism. St.-Petersburg. Eidos Publ. 336 p.
- Kovaleva Yu.N. Karamzin, Turgenev: To the Problem of Continuity in Terms of the Author's Position. In: Karamzin Collection. Karamzin's Work and Historical and Literary Process. Ulyanovsk. 1996, pp. 127–131.
- Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Karamzin's "Letters" and their Place in the Development of the Russian Culture. In: Karamzin N.M. Letters of a Russian Traveler. Leningrad. Nauka Publ. 1987, pp. 525–606. (The series "Literary Monuments")
- Markovic V.M. "Russian Europeans" in Turgenev's Prose of the 1850-ies. In: Markovic V.M. Selected Works. St.-Petersburg. Lomonosov Publ. 2008, pp. 261–276.
- Poltavets E.Yu. Flowers of Lisa Kalitina: Italian and French Context. In: Turgenev Reading. Vol. V. Moscow. Russky Put' Publ. 2011, pp. 350–368.
- Pumpyansky L.V. Turgenev and the West. In: Turgenev: Materials and Studies. Orel. 1940, pp. 90–108.
- Sapchenko L.A. (2003) Karamzin: The Fate of the Heritage. The 19th century. Moscow; Ulyanovsk. 379 p.

Skvoznikov V.D. (2007) Pushkin Tradition. Moscow. 214 p.

Your Friend and Mother Barbara Turgeneva. Letters of V. Turgeneva to I. Turgenev (1838–1844). Tula: Grif and K. Publ. 2012. 584 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moscow. Nauka Publ. 1978–.

Тура V.I. (2006) Modus Artistry. In: Introduction to Literary Studies / Ed. L.V. Chernec. Moscow. 2006, pp. 52–68.

Сведения об авторе:
Ирина Анатольевна Беляева,
докт. филол. наук
профессор
Московский городской педагогический университет (МГПУ),
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina A. Belyaeva,
Doctor of Philology
Professor
Moscow City University,
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
belyaeva-i@mail.ru

TURGENEV AND KARAMZIN